

0.782378

На правах рукописи

САФИНА ГУЛЬНАРА МИНСЕИТОВНА

**ПОСТУПОК В СТРУКТУРЕ
НРАВСТВЕННОГО ВЫБОРА
(АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ В КОНТЕКСТЕ
НАРОДНОЙ МУДРОСТИ)**

Специальность 09.00.11 – социальная философия

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Чебоксары 2010

Диссертация выполнена на кафедре философии и методологии науки
ФГОУ ВПО «Чувашский государственный университет имени
И.Н.Ульянова»

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Федотов Василий Артемьевич
ФГОУ ВПО «Чувашский государственный
университет имени И.Н.Ульянова»

Официальные оппоненты: доктор философских наук, доцент
Ахтямова Галия Энверовна
ФГОУ ВПО «Чувашская государственная
сельскохозяйственная академия»

кандидат философских наук
Андрюшкина Марина Владимировна
ГУК «Национальная библиотека
Чувашской Республики»

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Ульяновский государственный
педагогический университет
имени И.Н.Ульянова»

Защита диссертации состоится « 14 » мая 2010 г. в 15 часов на
заседании диссертационного совета Д 212.301.04 в ФГОУ ВПО «Чувашский
государственный университет имени И.Н.Ульянова» по адресу; 428015,
г. Чебоксары, ул. Университетская, д. 38 а, корп. 3, зал ученого совета.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале научной
библиотеки ФГОУ ВПО «Чувашский государственный университет имени
И.Н.Ульянова»

Сведения о защите и автореферат диссертации размещены на
официальном сайте ФГОУ ВПО «Чувашский государственный университет
имени И.Н.Ульянова» <http://www.chuvsu.ru>.

Автореферат разослан « 12 » апреля 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат философских наук, доцент

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования обусловлена важностью проблемы нравственного выбора, поступка, которую следует отнести к числу не только этических, но и экзистенциальных. Особый интерес представляет рассмотрение подобного рода вопросов путём обращения к тем формам познания, которые позволяют постичь человеческое бытие в его целостности. К таким формам следует отнести художественную литературу, в частности, её устную (фольклорную) разновидность, имеющую свои специфические черты, важные с точки зрения самой постановки проблемы морали и нравственности.

Проблема нравственного выбора, предшествующего и последующего свершению поступка, появляется вместе с возникновением человеческого общества и установлением того типа intersубъективных отношений, который можно назвать *этическим*. Из опыта повседневной жизни мы хорошо знаем, что человек постоянно сталкивается с проблемой принятия решений при выборе вариантов поведения и совершении поступков, которые требуют не только умения ориентироваться в окружающем мире, но и способности соотносить свои решения с теми или иными ценностями. Именно в выборе самих этих ценностей или даже в их творчестве проявляется подлинно свободный характер человеческого бытия.

Не следует, однако, забывать о том, что, выбирая те или иные ценности, а следовательно, и соответствующий им тип поведения, человек руководствуется не только собственным произволом (как полагал, в частности, Жан-Поль Сартр), а обращается к определённой культурной традиции и преданию, которые содержат в себе накопленный опыт предыдущих поколений людей, передающих этот опыт новым поколениям. Без такой преемственности в сфере традиции не было бы и самого человека как существа, трансцендирующего своё животное бытие и осуществляющего переход на более высокий уровень развития. В то же время, при отсутствии этой преемственности может происходить обратный процесс: человек может так и не состояться в качестве человеческого существа и остаться на стадии чистой животности.

Такая опасность действительно существует. Об этом говорит динамика изменений, происходящих в современном мире, в котором довольно заметны тенденции к общей деградации и варваризации общества. Насаждавшийся в России в течение многих десятилетий тоталитарный коммунистический режим привёл, в конечном счёте, к утрате подлинных идеалов и ценностей, которые были подменены ложными идеалами и псевдоценностями. В результате этого произошла тотальная нигилизация общественного сознания, утратившего духовные ориентиры и озабоченного только материальной стороной жизни. Приход капиталистических отношений только усугубил моральное разложение общества, заменив все ценности

одной: деньгами. Между тем общество не может нормально жить и функционировать, ориентируясь только на безудержную добычу капитала, поскольку получение прибыли любой ценой становится для него способом самоуничтожения. Вот почему для собственного выживания мы должны обратиться к той духовной традиции, которая досталась нам от прошлого, в том числе, традиции фольклорной, поскольку в её рамках были выработаны определённые ценностные ориентиры, позволяющие совмещать, с одной стороны, интересы всего социума, а с другой – интересы отдельной личности, которая в данном случае не отчуждена от этого социума, а живёт вместе с ним в некоем гармоническом взаимодействии.

Именно ценности, созданные в рамках народной мудрости, могут послужить матрицей для выработки верных ориентиров в условиях современного общества, которое также нуждается в определённом противодействии идеологии тотального экономизма, естественным образом распространяющейся при капиталистических отношениях, а также навязываемой населению СМИ. Процесс принятия решений человеком, безусловно, является сложным и многогранным процессом, который требует участия всей человеческой личности, обретающей в нём смысл собственного бытия и своё человеческое достоинство. Однако нельзя игнорировать того факта, что большую часть энергии для своих действий человек получает из окружающего социума, который предоставляет ему те формы и стереотипы поведения, которым этот человек, как правило, следует большую часть своей жизни. Тут становится уместным обратиться к понятиям «мораль» и «нравственность» как ключевым для данного исследования.

Действительно, мораль как система определённых норм и предписаний не всегда соответствует нравственному поведению, поскольку последнее иногда требует именно нарушения этих предписаний, поскольку они не всегда могут оказаться применимыми к конкретной жизненной ситуации. Человек, слишком привязанный к нормам морали и исполняющий их лишь формально, может совершать безнравственные деяния. Однако противоположный полюс поведения, предполагающий полный отказ от морали как предписаний социума, также угрожает утратой нравственности. В современной социальной ситуации именно этот последний тип поведения и становится доминирующим, поскольку все устойчивые и незыблемые прежде ценностные ориентиры и соответствующие им формы поведения поколеблены и в значительной степени смещены.

Современное общество находится в состоянии аксиологической диффузии, выход из которого не является простым. Но именно он предполагает обращение к тем поведенческим нормам и ценностям, которые нашли своё выражение в фольклорных произведениях, отражающих особенности народного сознания предшествующих эпох, а значит, доставшиеся нам в качестве определённого культурного наследия, истолкование которого является необходимым звеном духовного бытия современной культуры.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Н. И. ДОБАЧЕВСКОГО
КАЗАНСКОГО ГОС. УНИВЕРСИТЕТА

Другой причиной, делающей избранную нами проблему весьма актуальной для современной философии, является её связь с процессом изучения художественного познания как особого типа проникновения в реальность и способа решения практических (прежде всего этических) задач. О необходимости изучения художественного познания как особой альтернативы познанию научному говорят сегодня многие философы (как на Западе, так и у нас). Обращение к произведениям искусства, в особенности, литературы (в том числе, и фольклорной) как особому пути освоения реальности становится ныне одним из наиболее перспективных путей развития философской мысли (в первую очередь, герменевтики). Такое обращение имеет не только этнологическое или культурологическое значение, но и представляет интерес для философии потому, что сами фольклорные произведения можно рассматривать как литературные манифестации определённого способа мышления, нацеленного на решение различных философских вопросов, прежде всего вопросов этического порядка. Хотя такое мышления нельзя назвать философским в собственном смысле слова, поскольку оно манифестируется не в понятиях, а в *действиях* персонажей, его, тем не менее, можно подвергнуть философскому анализу, в ходе которого выявятся структуры фольклорного текста.

Фольклорное произведение как конкретная манифестация нарративного мышления имеет свои специфические особенности, которые отличают его от собственно литературного произведения. Главная из этих особенностей заключается в том, что у фольклорного произведения отсутствует автор, а содержание является вариативным, поскольку всякий раз передаётся по-разному тем или иным рассказчиком. Все эти качества указывают на меньшую степень оформленности фольклорного произведения, его более живую связь с непосредственной речью людей (в особенности, самого рассказчика), а значит, и с их жизнью. Хотя рассказывание фольклорного произведения предполагает разделение между обыденным и нарративным употреблением речи, всё же текст фольклорного произведения не настолько определён, как текст литературного произведения в узком смысле слова. Но именно эта характеристика фольклорного произведения демонстрирует его близкую связь с процессом определённого мышления, который Клод Леви-Строс в своё время обозначил термином «бриколаж». Таким образом, изучение нравственного выбора в контексте народной мудрости актуально по двум основным причинам: поскольку связано с решением аксиологических проблем современного мира и поскольку выражает кардинальный поворот к изучению художественного познания как одной из особенностей современной философии.

Степень разработанности проблемы. Нравственный выбор как феномен человеческого бытия играет важную роль и в жизни отдельного человека, и в существовании общества в целом, поскольку это существование также зависит от этого выбора. Поэтому представители философии и различных наук, так или иначе, обращались к данному феномену, создав

множество концепций, объясняющих его природу и условия возникновения. Проблема выбора является одной из самых обсуждаемых и спорных в истории философской и, вообще, гуманитарной мысли и до настоящего времени не имеет однозначного решения.

Точки зрения на проблему выбора многочисленны, разнообразны, а порой субъективны и противоречивы. Это объясняется тем, что выбор, с одной стороны, является частью традиционной философской проблемы возможности и действительности, а по своему содержанию связан с проблемой необходимости и свободы. Более того, проблема выбора человека может быть сформулирована как известная со времен средневековой теодицеи проблема свободы воли, основное содержание которой составляет ответ на вопрос: может ли человек принимать решение, осуществляя сознательный выбор действия, или не может, потому что все его решения заранее предопределены. Неоднозначность истолкования морального выбора объясняется спецификой его субъекта: человека. Вопросы предопределенности поведения человека биологическими или социальными факторами, влияния его противоречивой сущности и личностных факторов на его поступки не имеют однозначного решения.

Существует несколько философских позиций, отражающих различные истолкования проблемы свободы выбора. К ним относятся фатализм, детерминизм, индетерминизм, волюнтаризм, нецесситаризм. В целом, этими терминами можно охватить весь круг различных пониманий проблемы свободы выбора, хотя определённое значение здесь могут иметь индивидуальные различия внутри одной из этих философских позиций.

Для нас, однако, вполне достаточно той степени точности, которую мы можем получить, используя данное различие возможных трактовок феномена свободного выбора. Так, необходимо иметь в виду, например, что механический нецесситаризм Гоббса отличается от фатализма Хрисиппа, прежде всего тем, что последний не предполагает детерминированности субъективного ответа человека на определённое внешнее воздействие какими-либо механическими (т.е. объективными, по своей природе) силами. Вводя разделение главной (синектической) и дополнительных (прокатарктических) причин, стоицизм постулирует автономию субъекта по отношению к внешней реальности и, следовательно, в определённой мере отстаивает идею свободы воли, несмотря на свою приверженность фаталистической трактовке реальности. Точно так же следует делать различие между монистическим детерминизмом Спинозы и психологическим детерминизмом Липпса. Это свидетельствует о сложной нюансированности в трактовке проблемы свободы выбора в некоторых философских дискурсах.

Среди основных философских работ, рассмотренных нами при написании данной работы следует назвать прежде всего те произведения, в которых затрагивается проблема свободы выбора, вообще, и нравственного выбора, в частности. Сюда относятся произведения Платона (истории Гига и Эра в «Государстве»), Аристотеля («Политика», «Никомахова этика»),

стоиков (Цицерон «О судьбе», «О дивинации», Сенека «Письма к Луцилию» и др.), Оригена («Начала»), Августина («О свободе воли»), Бернарда Клервоского («О благодати и свободе воли»), Декарта («Размышления о первой философии»), Спинозы («Этика»), Гоббса («Левиафан», «О свободе и необходимости», «О человеке», «Человеческая природа»), Канта (три критики), Бергсона («Творческая эволюция», «Материя и память»), Виндельбанда («О свободе воли»), Лосского («Свобода воли») и др.

В философской литературе последних лет имеется множество детальных разработок, освещающих отдельные аспекты данного вопроса. Объектом научного внимания становятся связанные с проблемой выбора общеметодологические, теоретические и практические вопросы. Проблема выбора является объектом исследования ученых, которые рассматривают его нравственные аспекты, моральный конфликт как движущую силу выбора и ответственность за выбор (С.Ф.Анисимов, Р.Г.Апресян, Л.М.Архангельский, В.А.Блюмкин, А.А.Гусейнов, О.Г.Дробницкий, Е.Л.Дубко, Н.Н.Крутов, О.Б.Николаичев, А.И.Титаренко и др.). Появились новые подходы, такие, как структурно-генетический, выделяющий формационные этапы в становлении нравственного сознания целых эпох (А.И.Титаренко и др.).

Подвергается изучению праксиологическая сторона нравственного выбора. Тем самым преодолевается некоторое отставание в изучении данной проблемы в структурах нравственной практики. Например, имеются предпосылки методологической направленности в современных философских трудах, посвященных проблеме человеческой деятельности (Л.А.Зеленов, М.С.Каган, Э.С.Маркарян, В.Н.Сагатовский и др.). Были изданы специальные статьи и монографии, освещающие праксиологический аспект нравственного выбора. Среди них особый интерес представляют работы В.И.Бакштановского, который в рассмотрении этой проблемы обращается к двум сторонам нравственной регуляции (объективной и субъективной), что позволяет выделить специфические ракурсы нравственного выбора – аксиологический и праксиологический – и тем самым по-новому взглянуть на проблему специфики морали, ее функции и практическое назначение. Комплексный подход к оценке нравственной деятельности человека частично используют Л.М.Архангельский, В.А.Василенко, И.Н.Михеева, Т.С.Лапина, Б.О.Николаичев и др.

Проблема личностного выбора, его детерминированности и степени его свободы, самой его сущности и основных условий проявления, вопросы принятия решения в сложных жизненных ситуациях и в опыте повседневности всегда находились в области внимания психологов различных школ и направлений. В психологии идея единства сознания и поведения человека получила разностороннюю разработку в исследованиях Л.С.Выготского, С.Л.Рубинштейна, А.Н.Леонтьева, Б.Г.Ананьева, Д.Б.Эльконина, Л.И.Божович, Д.Н.Узнадзе и др., где выбор человека, его природа и детерминация исследуются как неотъемлемое свойство

человеческой жизнедеятельности, а характер их рассмотрения во многом зависит от понимания его природы.

Несмотря на разнообразие исследовательских подходов, проблема нравственного выбора освещена ещё недостаточно полно. За пределами философских исследований, в частности, остался вопрос категории нравственного выбора как элемента художественного произведения (в контексте проблемы художественного познания). При рассмотрении этого (наиболее существенного для нас) аспекта проблемы нравственного выбора мы опирались на работы ученых-фольклористов: А.П.Аникина, А.Н.Веселовского, Н.Ф.Данилова, Е.М.Мелетинского, Н.В.Никольского, В.Я.Проппа, Э.В.Померанцевой, Е.С.Сидоровой, М.Я.Сироткина, Ю.И.Юдина, которые посвящены проблемам генезиса, жанровых разновидностей, сюжетного состава, системы образов и поэтики, а также К.А.Азадовского, В.М.Жирмунского, Б.Н.Путилова, А.К.Салмина, А.Д.Синявского, О.М.Фрейденберг, К.В.Чистова, в которых один из литературных фольклорных жанров (сказка) рассматривается в единстве филологического и этнографического аспектов исследования. Определённое значение, в этом плане, для нас имели также работы В.А.Бахтиной, Н.М.Ведерниковой, Н.М.Герасимовой, Ж.М.Гусейнова, Л.А.Иткуловой, Л.Когана, С.Г.Лазутина, Д.С.Лихачева, С.Ю.Неклюдова, В.А.Федотова, В.И.Чернова.

Объект исследования: поступок и нравственный выбор.

Предмет исследования: место и значение нравственного выбора в контексте народной мудрости.

Цель исследования: выявить основные особенности решения проблемы нравственного выбора в фольклорном произведении (на примере сказки как фольклорного жанра).

Для достижения поставленной цели решались следующие задачи:

1) определить сущностные моменты нравственного выбора и очертить экзистенциальные рамки, в которых он может иметь место;

2) показать специфику нравственного выбора как ключевого мотива фольклорного произведения;

3) выявить специфические особенности «сказочной этики», детерминирующие моральное пространство сказки.

Методологические основания исследования определяются двойственным характером предмета исследования: с одной стороны, речь идёт о человеческом поведении и соответствующих психологических состояниях; с другой – о художественном преломлении этого поведения, а также процессе познания этого последнего посредством художественного (фольклорного, сказочного) текста. Всё это потребовало применения разнообразной методологии, включающей методы интроспекции, рефлексии, психоаналитического и собственно психологического подходов к процессу принятия решения и фольклорному дискурсу и т.д. Тем не менее ключевыми для данной работы были классические методы философской рефлексии: феноменологический и герменевтический. Первый применялся нами в тех

случаях, когда необходимо было определить специфические особенности морального пространства, т.е. такого измерения реальности, в котором становится возможным нравственный выбор. Как показал анализ, проделанный в работе, этот выбор вовсе не является чем-то само собой разумеющимся и спонтанно самопорождающимся. Он предполагает наличие определённой культурной формы, вне которой он просто не может иметь места. Герменевтический метод (понимаемый в широком смысле) мы использовали везде, где речь шла об интерпретации определённых текстов: философских в первой части и фольклорных во второй. Особенностью применения этого метода в работе было сочетание его с другими методами, а также включение этих последних в сам герменевтический метод. Так, рассматривая сказочных персонажей, мы исходили из фрейдистской модели человеческой психики (второй топики), поскольку для нас эти персонажи имели определённое отношение к таким элементам психики, как Super-ego, ego и Id. Понимая сказку как художественную манифестацию интериорного (психологического) измерения, мы, однако, не сводили её только к этому её аспекту, но и не отказывались от него, поскольку этот аспект также может позволить прояснить некоторые моменты функционирования фольклорного произведения как способа решения определённых этических проблем.

Научная новизна исследования:

1) предпринят многосторонний анализ проблемы нравственного выбора, определены его сущностные моменты. Дано авторское видение экзистенциальных рамок нравственного выбора;

2) обращение к чувашскому фольклору дало возможность показать специфику нравственного выбора как ключевого мотива. Автор видит новизну исследования и в том, что представляет сказку как особую «моральную» модель реальности ;

3) «сказочная этика» представлена как отражение перехода от магического к моральному сознанию путем этической рационализации первого. Под углом зрения проблемы поступка в структуре нравственного выбора подвергается исследованию «архетипы», репрезентирующие внутреннюю, духовную жизнь человека.

Положения, выносимые на защиту:

1) Специфика нравственного выбора подразумевает определённое отношение к фигуре Другого, выступающего в качестве основания интроспекции тех моральных ценностей, которые являются конститутивным условием нравственного выбора. Именно Другой в качестве абсолютной ценности (и, стало быть, условия других ценностей) дарует нам определённую моральную свободу, которая предполагает выход за пределы естественной каузальности и вхождение в некое *моральное пространство*, т.е. в мир, в котором вещи обретают их нравственное измерение и в котором, в силу этого, возможно *свободное* (естественно не детерминированное) нравственное действие. Границы морального пространства определяются возможностью совершения ценностного выбора, который может

предполагать, с одной стороны, выбор конкретного действия, выступающего в качестве репрезентации определённой ценности, а с другой стороны – выбор конкретного содержания самой моральной ценности (т.е. конкретного понимания добра и зла). За этими границами простирается сфера морального безразличия, в котором невозможен ни нравственный выбор, ни предполагающее возможность такого выбора моральное бытие.

2) Хотя сказка обычно не показывает нам борьбы мотивов в сознании своих персонажей, нравственный выбор имеет большое значение для развёртывания её сюжетной линии. В этом выборе значение имеет не он сам (поскольку выбор заранее задан тем, кто его делает: положительный или отрицательный персонаж), а то, каким образом этот выбор приводит к победе добра над злом. Сказка, таким образом, создаёт особую «моральную» модель реальности, в которой нравственный выбор приводит в движение некие магические или волшебные (всегда – иррациональные) силы, обычно переламавающие ход сюжета и ведущие от морального хаоса к абсолютному моральному порядку (абсолютной справедливости).

3) «Сказочная этика» отражает переход от магического к моральному сознанию путём этической рационализации первого. Этот переход предполагает метафорическую трансформацию внешних образов в некие «архетипы», репрезентирующие внутреннюю, духовную жизнь человека. В сказке также находят отражение моральные представления определённых слоёв общества, ведущих тяжёлую в материальном и нравственном смысле жизнь и воплощающих в сказке свои надежды и чаяния. Поэтому, как и многие другие фольклорные жанры, сказка строится на переворачивании установленных социальных отношений и выражает мораль беднейших слоёв общества (что проявляется, в частности, в выборе сказочного героя и самой сюжетной линии сказки). При этом, однако, народная мудрость не утверждает равенства между всеми людьми и не декларирует каких-либо революционных требований, оставаясь в рамках чисто *моральной* (а не политической) оценки своих персонажей.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что результаты, полученные в результате его проведения, позволяют заполнить существующую в философском и психологическом анализе нишу по изучению такого неординарного феномена как сказка с точки зрения системы нравственного поведения. Они помогут углубить теоретические представления в области морального выбора при помощи эмпирического материала, во многом окажут стимулирующее влияние на педагогику и психологию, выявят потенциал и значимость сказки для формирования нравственного поведения современного человека.

Результаты диссертации могут быть использованы в учебных курсах и спецкурсах по истории философии, психологии, эстетике, религиоведению, педагогике, культурологии и др. Материалы, полученные в ходе исследования, могут быть положены в основу комплексного воспитательно-образовательного подхода, формирующего мир ценностных приоритетов

индивида, а также послужить интегративной основой в дальнейшей научно-исследовательской деятельности по проблеме морального выбора.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования использовались в лекционной и практической работе на курсах повышения квалификации работников образования, госуниверситета, школ города, а также нашли свое отражение в опубликованных научных статьях.

Диссертационная работа обсуждалась на кафедре философии и методологии науки Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова.

Структура диссертации: диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, определены степень научной разработанности проблемы, цель и задачи работы, объект, предмет, методология исследования, его научная новизна, изложены положения, выносимые на защиту, установлена теоретическая и практическая значимость работы, даны сведения об апробации диссертации и публикациях автора, объёме и структуре работы.

Первая глава «Основные подходы к проблеме нравственного выбора в гуманитарном познании» посвящена выявлению основных особенностей нравственного выбора как конститутивного элемента этического бытия человека и тем его аспектам, которые обнаруживаются в ходе его экспликации в гуманитарном познании. В этой главе диссертант останавливается на истории генезиса и развития идеи нравственного выбора в философии (§1). Определяет место нравственного выбора в структуре человеческого поведения (§2). Исследует мотивационную структуру самого нравственного выбора, параллельно определяя условия бытия последнего, а также те факторы, которые мешают сделать нравственный выбор (§3).

В первом параграфе «Моральный выбор и свободная воля» диссертант обращается к истории проблемы нравственного выбора в контексте народной мудрости. Он замечает, что проблема выбора сопровождает человека на протяжении всей его жизни и встречается на самых разных уровнях: от потребительских и политических выборов до выбора вариантов собственной жизни, как в виде принятия решений, так и в виде личностного выбора. Философская тематизация идеи свободного выбора, по его мнению, берёт свой исток в библейской традиции и платоновском дискурсе. В Библии первое проявление свободной воли человека, нарушающего предписанный Богом закон, означает одновременно начало человеческой истории, в которой человек начинает действовать на свой страх и риск. Платон ставит фундаментальный вопрос о свободе

нравственного выбора в своей истории Гига, рассказанной Сократом во второй книге «Государства». С этого, по мнению автора, начинается история философской экспликации проблемы нравственного выбора, которая затем будет развита в текстах Аристотеля, стоиков, Августина, Спинозы, Канта, Виндельбанда, Левинаса и многих других философов, поскольку данная проблема является одной из самых актуальных для философии. В результате своего рефлексивного анализа диссертант приходит к выводу, что любой нравственный выбор предполагает открытость навстречу другому человеку, который выступает здесь не в качестве объекта моего восприятия или мышления, а в качестве особой, сакральной реальности, которая обладает абсолютной ценностью и, более того, наделяет ценностью меня самого. Только в открытости этой другой личности человек может обрести способность к нравственному действию, которое, в противном случае, окажется невыполнимым. Причём речь здесь идёт не о сознательном и целенаправленном придании ценности другой личности, а о некоем изначальном отношении с другим, без которого человек не может состояться как таковой, т.е. как нравственное существо.

Свобода в нравственном выборе – это не свобода полного морального произвола, которая доказывает самой себе независимость от воли другого, а возможность пренебречь своими эгоистическими (животными) интересами ради моральной ценности. Человек обретает свободу не тогда, когда он предаётся страстям (поскольку, как отмечает Спиноза, *рабство у собственных страстей – это худший вид рабства*), а когда он реализует своё человеческое предназначение. Это предназначение заключается в том, чтобы осуществить свой духовный потенциал, занимаясь определённым творчеством (в самом широком смысле слова). И, поскольку человек по самой своей природе причастен intersubъективному измерению, он, в конечном счёте, творит не только для самого себя, но и для человечества в целом. Во всяком случае, для определённой его части.

Специфика морального выбора заключается в том, что он не просто фиксируется в сознании, но и требует особой структуры последнего, главным элементом которой выступает фигура Другого. Только тот выбор, который делается перед лицом Другого можно назвать нравственным. Именно Другой в качестве абсолютной ценности дарует нам определённую моральную свободу, которая предполагает выход за пределы естественной каузальности и вхождение в некое *моральное пространство*, т.е. в мир, в котором вещи обретают их нравственное измерение и в котором, в силу этого, возможно *свободное* (естественно не детерминированное) нравственное действие. Свобода здесь, подчёркивает диссертант, происходит из самой нашей способности придавать вещам дополнительные (внеприродные) смысл и ценность, тем самым создавая условия для выхода за рамки естественной или любой другой каузальности. Следует различать, однако, с одной стороны, свободу при выборе конкретного понимания моральных ценностей (что такое добро, что такое зло в их конкретном выражении) и, с другой стороны,

свободу выбора определённого действия (поступка), согласованного с этим конкретным пониманием ценностей. Хотя и в том, и в другом случае речь идёт о *ценностном* выборе, только второй случай закрепляет ценность в качестве фактора практической жизни, первый же случай лишь полагает ценность в качестве возможного условия нравственной свободы.

Во втором параграфе «**Моральный выбор как исходный пункт нравственного поведения**» речь идёт о моральном (нравственном) выборе как высшей форме самоосуществления индивида, становления его как личности. Автор подчёркивает, что в ходе нравственного выбора происходит синтез определённых ценностей и конкретной, эмпирической реальности. Причём этот выбор происходит не только в субъективном, но и в интерсубъективном измерении, поскольку к этому измерению причастны сами моральные ценности. Вот почему, замечает автор, индивидуальный моральный выбор воплощает в себе существенные черты моральных предпочтений группы, коллектива, класса и общества в целом. Он отражает степень не только нравственной свободы личности, но и её связи с социумом и присущими ему ценностными ориентирами. То, что нравственное поведение порою (и довольно часто) имплицитно подразумевает контрверзу и даже прямой конфликт с социумом, не отменяет, а напротив, усиливает эту связь.

В моральном поступке, однако, могут присутствовать и такие моменты, которые уже выпадают из области чистой морали: речь идёт о конкретных психологических факторах принятия решения. Само наличие этих факторов (например, определённых мотиваций при совершении морального деяния) уже свидетельствует в пользу детерминистской концепции, исключающей свободу морального выбора и, следовательно, саму идею нравственности в классическом, кантовском её понимании. Разумеется, сам Кант не отрицал того, что человек поступает тем или иным образом в соответствии с определёнными психологическими мотивациями. Однако при этом он постулировал особый тип причинности, который не противоречит, а более того, предполагает моральную свободу. Речь идёт о *разумной причинности* или *разуме* как причине совершения того или иного поступка.

Как бы то ни было, предпочтение одного поступка другому обязывает соотносить моральный выбор с обстоятельствами, слить целесообразность с моральной принципиальностью, гуманностью, выбрать необходимые средства, обеспечивающие достижение цели и органическое единство мотива и предполагаемых последствий. Автор утверждает, что слишком большая приспособленность индивида к своей среде не является положительным фактором в плане возможностей его самоосуществления.

Автор подчёркивает, однако, что не любая критическая жизненная ситуация связана с возможностью нравственного выбора. В этой связи он критикует экзистенциалистскую концепцию абсолютной свободы человека, обусловленной проективным характером его бытия в мире. Он настаивает на том, что некоторые ситуации не оставляют перед человеком никакого *ценностного* выбора в том плане, что не предлагают никакой ценностной

альтернативы. В таких ситуациях выбор совершает не человек, а сама ситуация, поскольку последняя не предполагает собственно человеческого бытия, т.е. бытия, в котором можно говорить о проявлении каких-то психологических или моральных качеств.

Отсюда следует, что говорить о нравственном выборе можно только в том случае, если перед человеком действительно имеется альтернатива выбора различных ценностей, которые могут быть, например, ценностями личными, семейными, общественными и т.д., выбор которых и становится конкретным проявлением моральной свободы человека. Этот выбор нередко предполагает оппозицию морали и нравственности, поскольку целенаправленное движение в сторону личностного, осознанного бытия часто приводит к конфликтам с окружающим социумом, стремящимся подавить и сделать конформным человеческого индивида, лишив его тем самым его моральной свободы, которая, как и всякая другая свобода, нуждается в её защите и отстаивании, без которых она просто исчезает. Утверждая таким образом свою моральную свободу, человек вместе с тем отстаивает своё право называться личностью, живущей согласно тем ценностям, которые были выбраны ей самой, а не навязаны извне.

В третьем параграфе «Эмоциональные и рациональные аспекты нравственного выбора» автор останавливается на вопросе о тех антропологических условиях, которые необходимы для того, чтобы стала возможной ситуация нравственного выбора. Он замечает, что процесс нравственного выбора предполагает участие в нём двух антропологических компонентов: чувственного и рационального. При принятии осознанного решения человек не может ограничиться только одним из них, поскольку само его бытие в мире включает в себя оба эти момента, каждый из которых не может выступить заменителем другого. Поэтому процесс нравственного выбора подразумевает определённую диалектику чувственного и рационального, которая проявляется как на уровне выбора ценностей (экзистенциальный выбор), так и на уровне менее значимого, обыденного выбора тех или иных действий и поступков.

Когда человек принимает более или менее важные для него решения, то в его сознании, как правило, происходит борьба между различными стремлениями, которые определяются теми или иными мотивами и связаны с различными ценностями. Эта борьба, однако, имеет определённые *стадии*, которые характеризуются движением к постепенной рационализации движущих мотивов. Если человек совершает действие необдуманно, импульсивно, то, как правило, эмоциональные мотивации здесь доминируют и как бы ведут его к тем или иным поступкам, наделяя определённой энергией для их совершения. Если же поступок совершается после долгих раздумий, то эмоциональные мотивации отступают на второй план, освобождая место, с одной стороны, для более длительных аффектов (в частности, страстей), а с другой – для разумных мотиваций.

Классическая европейская философия осуждала страсть как главный источник несвободы субъекта, *вынужденного* совершать те или иные поступки, а не совершающего их по доброй воле. Согласно Августину, именно страстный характер того или иного поступка является основным признаком, по которому этот поступок можно квалифицировать в качестве *безнравственного*. Именно страсть рассматривалась как основная причина и отличительный признак всякого зла. Такое осуждение чувственной стороны человеческого существа, берущее исток в философии Платона, разделялось, однако, не всеми философами прошлого. Так, с точки зрения Руссо, именно способность людей сострадать и сочувствовать друг другу, способность к «симпатии», лежит в основе *нравственного* поведения.

В самом деле, если бы человек был чисто рациональным существом, то он не смог бы быть нравственным, поскольку он бы вообще не смог воспринять другого как некую *ценность*. Чтобы другой обрёл для нас самостоятельную ценность (что является главным условием любой нравственности), мы должны обрести такое отношение с другим, которое далеко выходит за рамки чисто рационального и абстрактного его рассмотрения. В действительности, любое моральное отношение подразумевает определённую *сакрализацию* другого, полагание его не просто как *равного мне*, но как некий абсолют, перед лицом которого я могу обрести своё человеческое существование.

Итак, самоценность другого как абсолютно другого полагает *этическое отношение*, которое оспаривает моё господство над реальностью. Без другого реальность превратилась бы в некую тотальность объектов, над которыми я имею право господствовать, поскольку они *всего лишь* объекты. Однако наличие другого как условия самой реальности, а не как того, что в этой реальности просто наличествует, разрывает эту объективную тотальность и конституирует меня самого в качестве субъекта этики. Другой выступает в качестве рационализации реальности, поскольку он есть *условие речи*, всегда обращённой к *кому-то*. Человек как особое существо оказывается уязвимым перед другим (его взглядом), но именно эта уязвимость (согласно Левинасу, с которым автор полностью солидаризируется) и возвышает его над остальными животными.

Подводя итог сказанному в данном параграфе, автор отмечает, что человек по своей природе нуждается в другом, и именно в этом проявляется этический характер его бытия. Поэтому можно сказать, что загадочен не сам по себе человек (который *в себе* есть не более, чем животное), а его отношения с другим. Именно в этом отношении и раскрывает себя та свобода, которая выводит человеческое существо за пределы природной реальности и полагает особое царство ценностей, в соответствии с которым и выстраивается социальное бытие человека.

Вторая глава «**Проблема нравственного выбора в фольклорном произведении**» посвящена выявлению специфических особенностей решения проблемы нравственного выбора в фольклорном произведении

(прежде всего в сказке). Автор обращается здесь к процессу зарождения и развития морального сознания, нашедшему отражение в эволюции фольклорных жанров (§1). Раскрывает специфику сказочного героя как агента морального поведения (§2). Выявляет основные черты «сказочной этики» (§3).

В первом параграфе «Мифопоэтическое мышление и генезис моральной оценки как элемента структуры фольклорного произведения» речь идёт о связи между содержанием фольклорного произведения и той intersubъективной реальностью, в котором живёт сообщество, создающее эти произведения. Эта связь, по мнению автора, проявляется прежде всего в наличии определённой моральной точки зрения на мир, которая манифестируется в фольклорном произведении. Автор обращает внимание на то, что именно вымышленный, фиктивный характер сказки позволяет ей давать моральную оценку окружающему миру.

Значительная дистанцированность сказки в отношении эмпирической реальности открывает большой простор для воображения рассказчика. Последний может представить в сказке самые различные ситуации, в том числе, фантастические и неправдоподобные, вкладывая, однако, в них определённый нравоучительный и моральный элемент. Вместе с тем сказочный мир никогда не отдаляется от жизненного мира простого человека соответствующей культуры настолько, чтобы оказаться неузнаваемым и непостижимым для этого человека. Напротив, сказка говорит на языке понятном народу и оперирует столь же понятными и доступными ему образами. Наличествующий в ней сказочный элемент только подчёркивает узнаваемость общих контуров той картины, которая вырисовывается в ходе повествования. В сказке действуют, как правило, некие стереотипные персонажи: злые и глупые цари, хитроумные «Иванушки-дурачки», злые мачехи, несчастные и добрые падчерицы, ужасные змеи-горынычи и соловьи-разбойники, избушки на курьих ножках, в которых живут дряхлые старухи, прекрасные царевны несмеяны и прочие выдуманные народом персонажи. И, поскольку все эти типажи заранее определяются своим амплуа и местом в структуре повествования (в сюжете), то они не могут проявить своего самостоятельного бытия, полностью подчиняясь той морали, которую несёт в себе сказка, представляя коллективные воззрения на мир определённого сообщества. Вместе с тем эти воззрения нельзя считать чем-то банальным и плоским в плане постижения человеческого и природного мира.

Фольклорные произведения (в частности, сказки) действительно предоставляют богатый материал для современного осмысления. И это связано, в первую очередь, с универсальным, архетипическим содержанием, которое обнаруживается в этих произведениях. Архетипическое содержание сказки находит своё рефлексивное выражение в ней самой. Можно сказать, что архетипическое здесь тождественно самой ценности. Будучи определённым отражением мира, в котором живёт то или иное сообщество,

сказка вместе с тем указывает на некий идеальный мир, соответствующий моральным представлениям этого сообщества.

Будучи более поздним по времени образованием, чем миф, сказка непосредственно не связана с ритуалом. Она носит профанный, а не сакральный характер, хотя архетипическое содержание, обнаруживаемое в сказочном сюжете и самих действующих персонажах, говорит об определённой включённости сказки в мифологическую традицию.

Несмотря на эту связь, у сказки имеется ещё целый ряд отличий от мифа, одно из которых непосредственно связано с нашей темой: если мир мифа в целом завершён и относится к далёкому прошлому (правремени), то мир сказки более тесно связан с настоящим, поскольку рассказчик определённым образом соотносится с временем тех событий, которые он описывает, а также с самими этими событиями. Этиологический миф направлен на описание генезиса того или иного *внешнего* феномена, которое позволяет понять этот феномен.

Сказка, напротив, нацелена на то, чтобы смоделировать внутреннюю реальность, поскольку её сюжет соотносится не с физическими феноменами, а с процессом некоего морального становления. Поэтому, если миф по своей природе *дескриптивен*, то сказка – *дидактична*. Сказка воссоздаёт в метафорической форме процесс индивидуации героя, его становления в качестве морального существа либо, наоборот, демонстрирует провал этой индивидуации.

В результате проделанного анализа связи содержания фольклорного произведения с развитием человеческого сознания диссертант приходит к выводу, что переход от магического к моральному сознанию означает придание самостоятельной значимости моральным ценностям (и, следовательно, конституирование их в качестве таковых). Эти ценности возникают не на пустом месте, а являются результатом определённого преобразования тех изначальных, религиозных ценностей, которые впервые возникают в рамках магического и мифического сознания. Трансформация религиозных ценностей в моральные происходит путём интериоризации смысла мифических образов: из репрезентаций внешней реальности они становятся моделью внутренней жизни человека, позволяя определённым образом эксплицировать, структурировать и аксиологизировать эту жизнь. Так, в волшебной сказке, с одной стороны, сохраняются ещё черты магического понимания реальности (поскольку главному герою помогают различные сказочные персонажи, обнаруживающие в себе сверхъестественные способности, присущие мифическим потусторонним силам), а с другой стороны, заметно явное присутствие морального сознания, проявляющегося как в фигуре главного героя, так и в прямой и косвенной оценке персонажей произведения, предполагающей чёткое разделение этих последних на положительных и отрицательных. О наличии ярко выраженного морального элемента в сказке говорит также её дидактическая и морализаторская направленность, причём речь идёт также об определённом

снижении главного героя, который полностью десакрализируется и становится теперь обычным человеком (а не богом или полубогом, как это имело место в мифе).

Во втором параграфе «Герой фольклорного произведения как агент нравственного поведения» раскрываются моральная природа главного героя фольклорного произведения (в частности, сказки). Диссертант подчёркивает, что сказочный герой – это герой, как бы по самой своей природе поставленный перед определённым выбором: мотив выбора – один из ключевых сказочных мотивов. Выбор становится поворотным моментом сюжета сказки, в результате него весь мир в ней переворачивается на сто восемьдесят градусов. Однако буквальный смысл сказки, её сюжетное развитие не составляют всего богатства её содержания.

На более глубоком уровне имеется некий пласт сказочной *морали*, который предполагает возможность более отвлечённой интерпретации сказочного сюжета. В данном случае речь идёт о том, что определённое нами как «инициация героя», связанная с определённым выбором, имеет не только магический, но и экзистенциальный смысл. Другими словами, этот момент в сказочном повествовании можно трактовать как момент *экзистенциального выбора*, под которым следует понимать выбор определённых жизненных ценностей. Этот выбор, согласно Ж.-П. Сартру, диктует все остальные, частные выборы, и поэтому именно в нём проявляется подлинная экзистенциальная свобода человека. В сказке этот момент показан метафорически: после того, как волшебник Мурза приходит на зов героя («Сказка о Бессчастном стрелке»), последний не просит у него ничего конкретного, Мурза сам делает всё, что необходимо в данной ситуации, и избавляет героя от необходимости выбора.

В самом деле, реальный выбор происходит не тогда, когда мы выбираем, что нам конкретно делать, а тогда когда формируется шкала наших ценностей. Причём это происходит в определённой *экзистенциальной ситуации*, когда человек находится буквально между жизнью и смертью. Именно такая ситуация описана в данной сказке. Отсюда следует, что момент встречи с Мурзой представляет собой некую сказочную метафору ситуации экзистенциального выбора, в которой решается судьба героя. Отсюда следует, что сказка не только развлекает своего слушателя или читателя, но и на присущем ей языке решает наиболее существенные вопросы человеческого бытия.

В заключение диссертант приходит к выводу, что путём типизации и конструирования некоего «архетипического» героя сказка создаёт условие для возникновения определённых моральных представлений в архаическом обществе. Сама эта типизация служит формой этической (или моральной) рационализации мифических представлений, которые, в свою очередь, предоставляют некий эйдетический (образный) материал для осмысления и трансфигурации тех экзистенциальных и бытовых отношений, которые составляют основу жизни в архаическом обществе. Отсюда следует, что

этический или моральный дискурс не предшествует появлению сказочных сюжетов с присущим им устойчивым разделением персонажей на положительных и отрицательных, а формируется вместе с самими этими сюжетами, которые не просто воспроизводят обыденные представления о добре и зле, но и осуществляют определённую их трансформацию, которая и осознаётся как перевод событий в идеальный, сказочный план, в котором эти представления очищаются от всего случайного и наносного, присущего им в самой жизни, и составляют довольно чёткий образ хорошего и дурного. Следовательно, сам этот перевод в идеальный план и подготавливает основу для того, чтобы, во-первых, конституировать определённую систему моральных ценностей, а во-вторых, увидеть в перспективе этих ценностей внутриродовые отношения, сделав эти последние умопостигаемыми в этическом и моральном смысле.

В третьем параграфе «Моральный выбор и проблема справедливости в фольклорном произведении» речь идёт о том, каким содержанием наполняет народная мудрость важнейший в структуре морального сознания элемент: идею справедливости. Диссертант подчёркивает, что в народном сознании окружающий мир (мир социальных отношений) предстаёт как «вывернутый наизнанку». Это мир несправедливости, зла, абсурда. Именно таким он изображается во многих фольклорных произведениях.

По существу, в сказке как фольклорном жанре осуществляется репрезентация процесса восстановления того мирового порядка, который был по каким-то причинам (часто, потустороннего, магического свойства) искажён или нарушен. Сказка, таким образом, описывает мистиерию восстановления этого нарушенного порядка. Однако восстановления, осуществляющегося не в самой реальности, а переведённого в план вымысла и игры. Однако, чтобы можно было восстановить справедливость, нужно сначала понять, в чём она состоит. Реальность слишком сложна для того, чтобы в ней можно было ответить на этот вопрос. Поэтому фольклорное произведение (сказка) создаёт такую упрощённую (архетипизированную) и, в определённом смысле, гротесковую модель реальности, в которой можно чётко определить, какое положение дел и какая судьба героев были бы справедливы. Благодаря этому, в сказке становится возможным полностью, и вполне рационально, решить проблему справедливости (определить, что такое добро и что такое зло), сделав умопостигаемыми (а также наглядно зримыми) сами эти понятия. При этом справедливое с точки зрения человека здесь совпадает со справедливым с точки зрения «потусторонних сил», что, в принципе, не присуще ни религиозному, ни собственно литературному сознанию, в котором конфликт между божественной справедливостью (т.е. судьбой) и человеческим её пониманием составляет основу сюжетной коллизии.

В раскрытии идеи справедливости в фольклорном произведении (особенно, в сказке) большое значение имеет *фигура другого*, которая, однако, претерпевает определённую эволюцию вместе с изменением

характера самой сказки: если в более ранний период волшебной сказки это потусторонний персонаж, обладающий магическими способностями, то в более поздних бытовых сказках это уже старец, отец семейства, обладающий не столько магической, сколько моральной силой.

Вместе с фигурой другого естественным образом преобразуется и понимание *справедливости*. В волшебной сказке справедливость трактуется в основном как высшая, божественная справедливость, достигаемая каким-то волшебным или случайным образом. В бытовой сказке справедливость тесно связана с семейной моралью, определённым образом упорядочивающей отношения между старшими и младшими, мужчинами и женщинами и т.д. Справедливость понимается здесь, главным образом, как следование определённым ценностям, завещанным нам прежними поколениями и воплощающими в себе накопленный в течение многих лет жизненный опыт.

Мудрость или магия позволяют перейти от нищенского или бедного существования к существованию в сытости и достатке и, наоборот, отсутствие мудрости и нравственных качеств приводит к плачевному исходу прежде всего в материальном плане. В этом отношении можно говорить о некоем *моральном гедонизме* сказок, рассматривающих моральное благо и моральное зло лишь во внешних их проявлениях, не находя средств для описания внутренних коллизий героя.

В результате проделанного анализа автор приходит к выводу, что сказочный мир – это мир, в котором господствует абсолютная моральная справедливость. Об этом свидетельствует развёртывание сказочного сюжета, которое, в целом, можно охарактеризовать следующим образом: герой сказки попадает в различные ситуации, двигаясь в направлении всё большего кризиса, пока, наконец, не достигает кульминационной точки, в которой степень несправедливости становится максимальной и угрожает жизни самого героя или выражается в какой-то тяжёлой потере. В этой точке, однако, когда зло достигает высшей степени, происходит радикальный поворот сюжетной линии, которая направляется теперь в сторону счастливой (или относительно счастливой) развязки. Идеальный (в моральном отношении) мир, создаваемый сказкой, и столь же идеальный, с точки зрения народных представлений, положительный герой как бы рождаются (по мере развёртывания сказочного сюжета и осуществления самим героем определённых моральных выборов) из первоначального морального хаоса, в котором господствует зло, а положительный герой испытывает страдания и унижения. Развитие сюжета сказки происходит таким образом, что этот моральный хаос преобразуется в абсолютный моральный порядок, в котором реализуется тот образ социальной справедливости, который является идеальным с точки зрения народного сознания.

В **заключении** обобщаются основные результаты исследования, показываются перспективы изучения проблемы.

Основные результаты исследования, положения и выводы, содержащиеся в работе, отражены в следующих научных публикациях автора:

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК

Минобразования и науки РФ:

1. Сафина, Г. М. Поступок как ядро нравственного выбора / Г. М. Сафина // Вестник Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина. – 2010. – № 1(22). – С. 194-199. – (0,4 п.л.).
2. Сафина, Г. М. Поступок как основа нравственного выбора в народной философии: опыт регионального исследования / Г. М. Сафина // Регионоведение. – 2010. – № 1. – С. 234-240. – (0,4 п.л.).

Публикации в других научных изданиях:

1. Сафина, Г. М. Влияние личных качеств на поступки в критических ситуациях / Г. М. Сафина // Вестник Ульяновской государственной сельскохозяйственной академии. — 2009. — № 3(10). — С. 102-105. — (0,2 п.л.).
2. Сафина, Г. М. Нравственные усилия в поведении в народной философии / Г. М. Сафина // Вестник Ульяновской государственной сельскохозяйственной академии. — 2009. — № 3(10). — С. 105-110. — (0,4 п.л.).
3. Сафина, Г. М. Проблема анализа факторов нравственного выбора (в социальной философии) / Г. М. Сафина // Вестник Ульяновского государственного педагогического университета. — 2010. — № 6. — С. 35-40. — (0,3 п.л.).
4. Сафина, Г. М. Рациональный анализ в ситуациях морального выбора / Г. М. Сафина // Вузовская наука в современных условиях: тез. докл. 44-ой научн-техн. конф.; Ульяновск, 1-7 февраля 2010 г. — Ульяновск: УлГТУ, 2010. — С. 16-19. — (0,2 п.л.).
5. Сафина, Г. М. Реальное и ирреальное в семантике народной сказки: проблема понимания / Г. М. Сафина // Вузовская наука в современных условиях: тез. докл. 44-ой научн-техн. конф.; Ульяновск, 1-7 февраля 2010 г. — Ульяновск: УлГТУ, 2010. — С. 20 - 23. — (0,2 п.л.).

Подписано в печать 6.04.2010 Формат 60х90

Бумага офсетная.

Печать оперативная.

Усл.печ.л. 1.1

Тираж 100 экз.

Заказ 178

Ротапринт Ульяновского государственного

педагогического университета им. И.Н.Ульянова

432700 г.Ульяновск, пл. 100-летия со дня рождения В.И.Ленина, д.4.

